ТУНГАЧИНЩИНА

Сычев М.С.

414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: ataman_akv@mail.ru
Сычев Михаил Сергеевич, Астраханский государственный университет,

Статья посвящена изучению вопроса участия национальных элит в революционных процессах на фронтирных пространствах бывшей Российской империи – Букеевской орде – административному образованию Астраханской губернии. Установление советской власти на территории населенной киргиз-кайсаками сопровождалось большими трудностями связанными как с природными факторами, в частности, огромными слабозаселенными пространствами, так и исторически сложившимся менталитетом киргиз-кайсаков, сформированным во времена деспотического владычества ханов, отрицавший всякое личное мнение каждого отдельного лица, в частности, и народа в целом. Октябрьский переворот застал киргизское общество не готовым к процессам самостоятельного государственного строительства. Проводниками идей новой власти стала часть киргизской интеллигенции ничего не имевшая общего с идеями социализма, но стремившаяся к власти. В условиях тотальной нехватки национальных кадров в среде большевиков появились энергичные, амбициозные деятели, благодаря революции достигшие властных вершин, но использовавшие в своей деятельности «старые» методы. Таким был М.Х.-Г. Тунгачин, проделавший за короткий период путь от царского чиновника, до комиссара всего края, запомнившийся как приверженец прежних методов в управлении, нанесших огромный моральный и материальный вред новой власти. Практическая значимость данной статьи заключается в разоблачении национального мифа о деятельности М. Х.-Г. Тунгачина и введение в научный оборот понятия «тунгачинщина» - синонима установления революционной власти большевиками, из числа представителей малых народов, на окраинах страны феодально-родовыми методами.

Ключевые слова: киргиз-кайсаки, Букеевская орда, Ханская ставка, большевики, киргизская интеллигенция, Алаш, Уж Жуз, Тунгачин.

При изучении особенностей участия национальных меньшинств в революциях начала XX века и гражданской войны важно учитывать специфику жизнедеятельности и культурных особенностей народов бывшей Российской империи. Исследуя материалы, связанные с деятельностью большевиков по захвату и удержанию власти в Букеевской орде, автор отметил отсутствие серьезного анализа тех событий, как у отечественных, так и у современных казахских исследователей. В исторической науке в борьбе за власть на территории современного Казахстана традиционно выделяется лишь особая роль казахской интеллигенции в революционных процессах, рассматривается

противостояние буржуазной партии Алаш и пробольшевистской партии Уш Жуз. В последние годы появились единичные публикации, в частности Г.Г. Косача, посвященные и межродовой борьбе внутри казахского общества. Однако как отметил А.В.Сушко «…менталитет казахского народа, его культурные особенности, влиявшие на политическую борьбу, в исторической литературе исследованы недостаточно» (Сушко, стр. 329).

Автор считает необходимым отметить, что до октябрьского переворота понятия «казах» не существовало, и народ именовался «киргизами» или «киргиз-кайсаками». Изданная в 1910 году в Санкт-Петербурге знаменитая работа исследователя А. Букейханова так и называлась «Киргизы». Поэтому в дальнейшем в статье будут использоваться именно этнонимы «киргизы» и «киргиз-кайсаки», как они назывались в исторических трудах и архивных документах в изучаемый период.

Цель данной работы – на примере Букеевской Орды изучить значение, особенности, методы захвата власти представителями «новой» киргизской национал большевистской элиты, апофеозом чего стало появление авантюристов, псевдо революционеров завладевших доверием центральной власти, а на местах управлявших феодальными методами.

Историческим моментом в жизни киргиз-кайсаков стала дата 11 марта 1801 года, когда император Павел I издал Указ, разрешивший перекочевать этому народу в Волжское Левобережье, где была образована Внутренняя или Букеевская орда, по-другому, Киргизская степь. Киргизская степь разделялась на части и округа, которые в свою очередь делились на старшинства, именуемые к 1917 году волостями, состоящими из аулов. Лучшие земли и большая часть скота в тот период принадлежали потомкам и родственникам ханской фамилии и султанам. Однако к революционным событиям начала 20 века, большую роль стали играть баи, выдвинувшиеся из рядовых казахов и обогатившиеся во многом благодаря развитию товарных отношений.

Автор обращает внимание на то, что киргизы, разбросанные отдельными семьями, со своими стадами, по Волго-Уральской полупустыни никогда не имели общины, как социального института. Каждый номад нес личную ответственность перед своим беком, ханом или султаном. Мыслитель и просветитель киргизов Абай Кунанбаев, слепо верящий, что власть имущих должна помочь своему народу, так писал в 41 «Слове назидания» о его деградации: «Никто не обладает властью, способной запугать нынешних людей. Никому не дано богатство, которого хватило бы на то, чтобы задобрить всех. Не запугав или не

подкупив казаха, невозможно, уговорить или убедить его в чем-либо. Невежество, доставшееся от отцов, впитавшееся с молоком матери, пройдя сквозь мясо, достигло костей и убило в нем человечность. Между собой у них какие-то ужимки и кривлянья, шепотки да двусмысленные намеки, ничего более увлекательного на ум им не приходит. Они пытаются думать, но им некогда сосредоточиться на своей мысли. Говоришь с ними — они и слушать со вниманием не могут; глаза их бегают, мысли разбредаются. Как жить? Как нам быть дальше?»

Автор статьи отмечает, что «во времена деспотического владычества ханов, рабская зависимость народа от них совершенно отрицала всякое личное «я» и его собственность, как отдельных лиц, так и всего народа... Не было никогда у киргиз и строго общественной жизни на началах дружных товарищеских стремлений к общему благу. Они всегда жили своеобразно, индивидуальной жизнью, с единственной единоличной ответственностью только за себя и только перед отдельными лицами, давящими своим авторитетом все их трудовое общество» (ГАСДАО. Ф.1. Оп. 1. Д. 25. Л. 21). Веками вырабатывавшиеся воззрения на происхождение власти кочевой аристократии, превратили киргиз-кайсака в безвольное орудие феодальной и полуфеодальной верхушки.

До Февральской революции в составе Астраханской губернии, как самостоятельная административная единица, находилась Букеевская степь (Букеевская орда), именовавшаяся в то время Внутренней киргизской ордой. На площади более 600 тыс. кв. верст кочевало и оседло проживало до 400 тыс. казахов, татар, ногайцев. Значительное количество казахов проживало в Красноярском и Астраханском уездах. Букеевская орда делилась на 7 округов, куда входило 105 волостей. Административным центром была Ханская ставка, где находилось Центральное управление всей степью, называвшееся Временным советом по управлению Букеевской Внутренней киргизской ордой, во главе которого стоял председатель, назначаемый астраханским губернатором.(ГАСДАО. Ф.1. Оп. 1. Д. 25. Л.18). Февральская революция не внесла коренных изменений в иерархическую систему управления киргизским народом.

Новый орган власти в лице центрального исполнительного комитета Букеевской орды и назначенного ордынского комиссара продолжили ту же политику. Изменения во многом коснулись политической жизни общества. 21-28 июля 1917 года состоялся Первый съезд киргизского народа в городе Оренбурге, который рассмотрел ряд важнейших вопросов. В числе них об образовании партии Алаш, создании территориально-национальной автономии, землеустройстве населения, отношении к религии, положении женщин и др. Председателем движения был избран представитель казахской интеллигенции выдвигавшейся на

первый план политической борьбы за власть, комиссар Тургайской области Алихан Букейханов. Уже на этом съезде стало видно, что новые руководители начинают дистанцироваться от бывших царских чиновников. Так из зала заседания съезда были удалены Абдрахман Мачиев и Мухамедьяр Хан-Гирей Тунгачин, как скомпрометировавшие себя на царской службе.

Решение Временного правительства об образовании Букеевской губернии и проведении земской реформы не изменили ситуации и в руководстве земских управ всех уровней оказались избранными лица из бывших волостных старшин, царских чиновников. Как писал один из лидеров партии Алаш «февральская революция была правильно понята и с радостью встречена казахами потому, что, во-первых, она освободила их от гнета и насилий царского правительства, а во-вторых подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту – управлять самостоятельно. То, что вторая революция показалась казахам непонятной объясняется просто: у казахов нет капитализма и классовой дифференциации, даже собственность у них не разграничена…» (Программные документы национальных политических партий и организаций России, стр. 85-86).

Рядовые соплеменники не были в состоянии осмыслить перемены в стране. Большинству из них казалось, что все преобразования ведутся не ради их благополучия, а только ввиду заступничества за них перед новой властью их старых правителей. Поэтому не удивителен факт, когда в составах ревкомов и местных советов, в значительном числе находились представители имущих слоев. Искреннюю поддержку большевикам оказали единицы киргизов, из числа покинувших пределы степи, работавших наемными рабочими и культурно ассимилированных русскими. Проводниками идей новой власти стала часть киргизской интеллигенции ничего не имевшая общего с идеями социализма, но стремившаяся к власти. В условиях тотальной нехватки национальных кадров в среде большевиков появились энергичные, амбициозные деятели, благодаря революции достигшие властных вершин, но использовавшие в своей деятельности «старые» методы.

Таким был М.Х.-Г. Тунгачин, проделавший за короткий период путь от царского чиновника, до комиссара всего края. Мухамедьяр Хан-Гирей Тунгачин был правнуком последнего хана Внутренней киргизской орды Джангира (Мухтарбека) Букеевича Нуралиева. М.Х-Г. Тунгачин служил переводчиком, военным цензором и чиновником особых поручений при Оренбургском генерал-губернаторстве. Еще в молодости, будущий военный комиссар и большевик, растратил свое наследство. До резкого поворота в его карьере он состоял в должности помощника тургайского военкома. Крайне честолюбивый и не сумевший найти для

себя достойного места в среде буржуазной интеллигенции он переходит на сторону большевиков с целью сделать карьеру. Следует отметить, что в Букеевской орде накануне Октябрьского переворота членов партии большевиков не было.

Астраханские большевики, оказывавшие помощь в установлении Советской власти в Букеевской орде испытывали жесточайший голод на национальные кадры. За короткий промежуток времени, искусно владея революционной фразеологией и склонный к авантюрам, М.Х.-Г. Тунгачин вступает в партию большевиков. Выдавая себя за представителя всего киргизского народа, он выезжает в Москву с идеей создания боевых частей из «революционных киргизов» образцовых степных полков. Благодаря своей находчивости М.Х.-Г. Тунгачин становится членом ВЦИК РСФСР. Позднее, весной 1919 г., когда киргизский отдел Наркомнаца был реорганизован в Центральный комиссариат по военным делам, по прямому указанию В.И. Ленина военным комиссаром был назначен М. Х.-Г. Тунгачин, с местопребыванием нового комиссариата в Ханской ставке (Декреты Советской власти, стр. 18).

Несмотря на то, что новый военком не был рожден на земле своих владетельных предков, ему удалось быстро приспособиться к действительности Астраханского края. Наследники султанов и беков, перешедшие на службу в советские органы, как и рядовые киргизы, признали в нем своего природного вождя. Понимая, что статус необходимо поддерживать, М.Х.-Г. Тунгачин занял лучшие помещения бывшего уездного центра, обставив дома московской мебелью, изъятой у прежних владельцев, на общую сумму 200 тыс. рублей. Для перевозки мебели потребовалось 5 вагонов. Ежедневно он давал званые обеды, совершенно не уделяя внимания своим прямым обязанностям, как, например, строевым занятиям. М.Х.-Г. Тунгачин обзавелся конвоем, вооруженным шашками в серебряной оправе, для которого центр выделил 20 английских скакунов, обзавелся целой свитой «придворных»: командиров несуществующих полков, эскадронов, адъютантов, инспекторов, чиновников по особым поручениям и т.д. (ГАСДАО. Ф.1. Оп. 1. Д. 25. Л.11-17).

Обращение рядовых киргизов к своим начальником предварялось словом «господин». По приглашению военного комиссара в Ханскую ставку прибывали, в качестве военспецов, бывшие царские офицеры. Любой работник Букеевской области, выступавший против Тунгачина, мог быть подвергнут аресту. М.Х.-Г. Тунгачин ловко манипулировал незнанием руководства большевистского правительства положения дел в Киргизской степи. Совершенно непонятно как он получил наряд на отправку в орду 300 жаток, 150 косилок, 15 тыс. кос, в то время когда вся запашка букеевцев составляла около 300 дес. земли. Центр простил

Тунгачину, даже потерю 3000 пудов жмыха, так необходимых строевым лошадям. На «целевые нужды» Киргизскому комиссариату из Москвы присылали автомобили, шампанское, конфеты, фарфоровую столовую посуду и симфонические инструменты. Только один шкаф комиссариата обошелся казне в 23 тыс. рублей, каракуль на папахи командному составу - в 100 тыс. рублей, пишущие машинки – в 150 тыс. При этом даже элементарной заботы о мобилизованных киргизах военкомат не проявлял. Призывники ходили голодные и оборванные, в то время как отпущенное из столицы высококлассное английское сукно (70 тыс. аршин), для их обмундирования до места назначение не дошло. Постепенно началось бегство «джигитов» в родные аулы. Четыре пушки были брошены на центральной площади без навеса, а выделенные 10 пулеметов не охранялись. За полтора года удалось создать не более одного конного полка неполного состава (ГАСДАО. Ф.1. Оп. 1. Д. 25. Л.20).

В связи с участившимися рейдами уральских и астраханских казаков нависла угроза захвата Ханской ставки. Получив указание от командующего Туркестанским фронтом об ее эвакуации М.Х.-Г. Тунгачин саботировал данное требование. Более того в мае 1919 года в Первом казахском кавалерийском полку был раскрыт контрреволюционный заговор. Лишь решительные действия специального представителя астраханского губкома РКП(б) В.Л. Лукашов позволили арестовать и ликвидировать активных заговорщиков. В этом заговоре был повинен и сам Тунгачин, который лично подбирал кадры для организуемого полка и не осуществлял никакого контроля за ними. Отдельные руководители Букеевской орды, как С. Мендешев, Б. Каратаев и другие, считали, что все нарушения, граничащие с предательством, были допущены намерено, дабы скрыть масштабы хищений. 18 декабря 1919 года Тунгачин был арестован (Ирмуратов, стр. 112).

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение: «Отозвать из состава Кирревкома Тунгачина, предложив Кирревкому выдвинуть вместо него кандидата киргиза партийным путем, принять меры к тому, чтобы этот кандидат был коммунист и во всяком случае советский человек». Самое удивительное, что Тунгачин не сделал никаких для себя выводов. Он обращается с письмом на имя заместителя начальника Наркомнаца, в котором заявляет, что «когда почти вся киргизская интеллигенция пошла за Колчаком и Дутовым, лишь небольшая группа во главе с ним работала в пользу Советской власти». В письме указывалось, что «8 его родственников были зарублены казаками, один брат был расстрелян» и, что все его неприятности только из-за доносов, порожденных родовой враждой (Сушко, стр. 334-335).

Однако правление Тунгачина не было единичным фактом на фронтирных пространствах только Букеевской орды. Ссылаясь на сообщение омской газеты «Сибирский путь» от 4(17)января 1919 года, А.В. Сушко отметил в своей статье, что «в конце 1917 – начале 1918г. в степях Атбасарского уезда Акмолинской области возникло так называемое Киргизское ханство, объединившее несколько волостей. Ханство просуществовало, по крайней мере, до начала 1919 года. Первым ханом был Хассен-Ходж-Бек-Ходжин, один из влиятельных киргиз Атбасарского уезда и кандидат в Учредительное собрание от «Киргизской коммунистической партии Уш Жуз». Показательно, что богатый и влиятельный киргиз Хассен-Ходж-Бек-Ходжин, не нашедший себе достойного места среди членов Алаш-Орды, примкнул к большевикам и, по сообщению газеты «был командирован Омским совдепом для агитации в степи, для объединения всех киргиз Атбасарского уезда, чтобы приобщить их к «святейшей совдепии», по его выражению. И, так как киргизам не чуждо слово «ханство», то большевистский посол пришел к несколько неожиданному заключению, назвать его объединение ханством, а себя провозгласить ханом». Первый хан, как отмечено в статье, «со временем был свергнут, а на его место был избран более влиятельный и богатый» (Сушко, стр. 330-331).

Таким образом, на фронтирном пространстве заселенном киргиз-кайсаками, в условиях децентрализации власти и получении автономии, остро встал вопрос «где же взять состав личного персонала для проведения в жизнь автономии, требующей не просто образованных людей, а людей с более или менее государственным умом и административным чутьем». Приходится констатировать, что после октябрьского переворота и в ходе гражданской войны большевикам не сразу удалось найти в среде киргизской интеллигенции людей способных к руководящей административной работе, потому что большинство из них «дальше партийных раздоров, обычной азиатской хитрости и интриг не идут». Поэтому в большевистской среде того времени, в частности, в Букеевской орде, появление авантюристов с байскими замашками можно считать определенной системой. Автор считает возможным ввести в научный оборот понятие «тунгачинщина», как синонима установления революционной власти большевиками, из числа представителей малых народов, на окраинах страны феодально-родовыми методами.

Библиографический список:

1. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 25.

2. *Декреты Советской власти* (1971). *Т.V. 1 апреля – 31 июля 1919 г.* Москва: Политиздат.
3. Ирмуратов, Х.Д. (1967). *Октябрь в ауле.* Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство.
4. *Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.)*: сборник документов (1996). *Выпуск 2*. Составитель: В.М. Фомин. В.С. Коновалов, В.В. Кривенький, А.А. Твердохлеб, В.М. Шевырин (Ред.). Москва: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук.
5. Сушко, А.В. (2008). Межродовая борьба казахской (киргизской) интеллигенции в годы революции и гражданской войны в России. *Вестник Тамбовского университета*. *№ 11 (67)*, стр. 329-337.

«TUNGACHINSHCHINA»

Sychev M. S.

Sychev Michael Sergeyevich, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: ataman_akv@mail.ru

This article researches how national elites participated in revolutionary processes on the frontier territories of the former Russian Empire, focusing the Bukeev horde, which was the administrative formation of the Astrakhan province. The establishment of the Soviet power in the territory inhabited by the Kyrgyz-kaysaks was followed by great difficulties such as natural factors - huge weak-settling territories, in particular, and also historically formed mentality of the Kyrgyz-kaysaks, created at the times of despotic dominion of khans, denying both any personal opinion of each individual, in particular, and the people in general. The Great October revolution has found the Kyrgyz society not ready to the processes of independent state construction. A part of Kyrgyz intellectuals, who had nothing in common with the ideas of the socialism but were aspiring after power, became the conductors of ideas of the “new authorities”. In the situation of total shortage of national personnel among Bolsheviks, there appeared vigorous and ambitious figures, who thanks to revolution climbed to the top, but were using "old" methods in their activity. M. H. - G. Tungachin , whose career zigzagged from the tsar’s official to the commissar of all the territory during the short period of time was remembered as the follower of former methods in management which had brought the huge moral and material harm to the new power, was one of them. The practical significance of this article is in the exposure of the national myth about M.H.- G. Tungachin's activity and the introduction of the term "tungachinshchina" – a synonym of the establishing of the revolutionary power by Bolsheviks in the suburbs of the country by the representatives from among small ethnic groups

Keywords: Kyrgyz-kaysaks, Bukeevsky horde, Khan’s Headquarters, Bolsheviks, Kyrgyz intellectuals, Alash, Oh Zhuz, Tungachin.

References:

1. State Archive of Modern Documentation of the Astrakhan Region (SAMDAR). F. 1. Op. 1. D. 25.
2. Irmuratov, H.D. (1967). October in the aul. Volgograd: Nizhny Volga publishing house.
3. Decrees of the Soviet power (1971). T.V. On April 1 – on July 31, 1919 Moscow: Politizdat.
4. Program documents of national political parties and organizations of Russia (end of XIX – 1917): collection of documents (1996). Release 2. Originator: V. M. Fomin. V. S. Konovalov, V. V. Krivenky, A.A. Tverdokhleb, V. M. Shevyrin (Edition). Moscow: Institute of scientific information on social sciences of the Russian Academy of Sciences.
5. Sushko A.V. (2008). Intergeneric fight of the Kazakh (Kyrgyz) intellectuals during the years of revolution and civil war in Russia.
6. Bulletin of the Tambov university. No. 11 (67), p. 329-337.